

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СВЯЗЬ ВРЕМЕН
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

хронология, биография, грамматическая категория

*IX конференция
Междисциплинарного центральноевропейского
семинара*

Тезисы докладов

**5–6 ноября
2025 г.**

МОСКВА

2025

УДК 930.85
ББК 63.3(44)
С25

Редакторы-составители:
О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

**Связь времен. Социальные аспекты темпоральности
в Центральной Европе и сопредельных регионах: хро-
нология, биография, грамматическая категория.** Тезисы
конференции. 5–6 ноября 2025 г. / Ред.-сост. О. В. Хаванова,
Д. Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. —
52 с.

ISBN 978-5-7576-0527-2

DOI 10.31168/0527-2

УДК 930.85
ББК 63.3(44)

ISBN 978-5-7576-0527-2

© Коллектив авторов, текст, 2025
© Институт славяноведения РАН, 2025
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2025

«ХЛОПОТЫ СО ВРЕМЕНЕМ»: ПРОЗА ОЛЬГИ ТОКАРЧУК

Время — одна из тех категорий, которые в творчестве Ольги Токарчук чаще всего и становятся предметом рефлексии нарратора/героя, и определяют конструкцию текста. В докладе рассматривается — в контексте реального времени литературного процесса (пути обновления художественного языка, по которым шла молодая польская проза 1990-х гг.; 2000-е гг. как период рефлексии над конфликтом памятей) и личного биографического времени автора — проблема взаимодействия временных потоков и стремления человека вырваться из плена времени в прозе Токарчук. Анализируются функционирование различных типов, комбинаций и оппозиций времени (хронос/циклос/кайрос, профанное/сакральное, время реальности/онейросферы, повседневности/магии, биографии/Истории), типы героев, способных преодолевать «плен времени», и пути этого преодоления. Прослеживается связь поэтики с «болевыми точками» творчества Токарчук, которые порождены переживанием времени (одиночество человека в своем личном времени; бренность мира и страх перед преходящестью жизни), с декларируемыми писательницей принципами (эксцентричность и чуткость мироощущения и повествования как эмпатического переживания множественности моделей опыта; целостность восприятия мира, включающего в себя иррациональное) и близкими ей философскими концепциями. Отдельно рассматривается бытование категории времени в двух произведениях, выполняющих аутопсихотерапевтическую роль. В романе «Анна Ин в гробницах мира» это происходит через погружение в мифическое время. Мифодрама, основанная на повествовании о нисхождении в царство мертвых, призвана помочь современному человеку вписать смерть в символический ритуал обмена. В обладающем сложной временной структурой романе «Последние истории» Токарчук воспроизводит психотерапевтический механизм десенсибилизации —

многократного соприкосновения с предметом страха (в данном случае — «проживание» смерти при помощи персонажей-масок и цепочек смерти, разыгрывания ее в играх и фантазиях, «обживания» переходного пространства между жизнью и смертью) с целью ослабления силы его воздействия. ■

СТРАСТИ ПО 1863 ГОДУ

1863 — год/рубеж/эпоха/переломный момент. 1863 — скорбь и разочарование, ожидание и надежда. 1863 — это в высоком смысле «сретение», встреча прошлого с будущим и встреча с собой настоящим. Но, прежде всего, 1863 — это преимущественно рефлексия, постепенно захватывавшая современников. В середине 1890-х гг. 1863 как рефлексия принимает у Станислава Козьмяна (1836–1922) форму трех увесистых томов, в которых видный польский театральный деятель и публицист не столько излагал историю, тем более — не воссоздавал хронологию Январского восстания, сколько стремился ранжировать и анализировать глубинные причины последнего в XIX ст. вооруженного выступления поляков. Кроме того, 1863 как рефлексия стал для автора поводом к тому, чтобы доискиваться истоков гибели Речи Посполитой. Вообще Козьмян полагал, что на обложке книги «История Польши» следовало бы начертать слова: здесь содержится «перечень всего того, чего государства должны остерегаться, дабы избежать упадка». Восприятие 1863 как рефлексии было также свойственно единомышленникам Козьмяна, что вызывало суровую критику (и последующую рефлексия) со стороны их оппонентов, не склонных разделять предложенную в трехтомнике Козьмяна «Дело о 1863 годе» (*Rzecz o roku 1863*) трактовку недавнего и давнего прошлого польского народа. Однако 1863 как рефлексия отнюдь не всегда приобретал отталкивающие для соотечественников черты. Пожалуй, один из наиболее сочувственно принятых польскими патриотами форматов рефлексии представила знаменитая писательница Элиза Ожешко (1841–1910). Писательница, что было вполне справедливо и потому живо отозвалось в их сердцах, предпочла воспевать героев Январского восстания, для нее важнее было во весь голос заявить: Слава побежденным! Одноименная ее повесть *Gloria victis* (1863) (1910 г.) во многом отразила страсти по 1863 году. Впрочем, двумя приведенными примерами эти страсти явно не исчерпывались... ■

«Благородные» патриоты vs «грязные» мадьяры: 1848 «поворотный» год в концепции австрийского патриотизма

Доклад посвящен анализу нескольких авторских и анонимных публикаций XIX в., содержащих размышления на тему австрийского патриотизма. В современной историографии принято считать, что австрийцы как отдельная нация появились только в 20-е гг. XX в. Однако понятие «австриец» использовалось гораздо ранее, будучи часто употребляемым в словосочетаниях «добрый австриец» или «австрийский патриот»: например, в 1764–1766 гг. выходил еженедельный журнал *Der Österreichische Patriot*. При том, что выражение «австрийский патриот» активно использовалось в газетных заметках и публичных речах первой половины XIX в., они не содержат сколько-нибудь четких определений. Что имелось в виду под этим понятием? Какие категории и ценности определяли австрийского патриота, какие задачи перед ним ставились? Большинство историков разделяют мнение, что концепция патриотизма в более или менее современном понимании возникла в европейском лексиконе в эпоху Просвещения и стала популярной в 60–70-е гг. XVIII в. Она обладала такими характеристиками, как демократизация, идеологизация, политизация и темпоральность, с течением времени меняя свое содержательное наполнение. В XIX в. с ней начинают конкурировать и даже отодвигают ее в тень национализмы, связывавшие судьбу Отечества уже не с государством или территорией, а с нациями, ни одна из которых в Австрийской империи не имела абсолютного преобладания по своей численности. «...Чтобы быть добрым патриотом, нужно стать врагом остальных людей», — утверждал Вольтер. В случае с публицистикой на тему австрийского патриотизма можно явственно проследить тот момент, когда основным врагом австрийского патриота становится

враг не внешний — иноземные государства, а внутренний — соседствующие народы. Этим моментом стал 1848 год, когда сочувствие «австрийских патриотов» к передовым идеям венгров сменилось на страницах газет и брошюр презрением и ненавистью к «грязным мадьярам» — предателям Отечества. ■

**СЛОВАККИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ
(ПО ДАННЫМ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА)**

В докладе рассматриваются словацкие прилагательные, принадлежащие к трем семантическим группам: «прошлый», «настоящий», «будущий». Исследование выполнено на материале параллельного словацко-немецкого и словацко-чешского корпусов, представленных в рамках Словацкого национального корпуса (*Slovenský národný korpus*). Устанавливаются основные эквиваленты для наиболее частотных темпоральных прилагательных в каждой семантической группе — для группы «прошлый» это *bývalý*, *minulý*, *predchádzajúci*, *uplynulý*, входящие в центр семантической группы, и *predošlý*, *niekdajší*, формирующие ее ближнюю периферию; для группы «настоящий» *súčasný*, *daný*, *prítomný* (центр группы), *existujúci*, *terajší*, *momentálny*, *jestvujúci* (ближняя периферия); для группы «будущий» *ďalší*, *budúci* (центр группы) *nasledujúci*, *nastávajúci*, *následný*, *zajtrajší* (ближайшая периферия). В случае с немецким к анализу привлекаются только переводы на словацкий язык: переводы со словацкого языка представлены в доступных нам параллельных корпусах минимально; параллельные переводы с третьего языка (английский, русский) к анализу привлекаться не будут. Соответственно речь пойдет только о стимулах перевода, т. е. будет рассмотрено, эквивалентами каких прилагательных в немецком языке являются те или иные словацкие темпоральные адъективы. Для чешского языка задействован весь объем данных, отдельное внимание уделяется словацко-чешским расхождениям: ввиду значительной близости языков подобные случаи представляют особенный интерес. Будут продемонстрированы основные семантические параллели между словацкими/чешскими и немецкими прилагательными в данных группах, что позволит установить сходства и различия в структурировании трех семантических групп в этих языках. ■

Вирен Денис Георгиевич

(Институт славяноведения РАН, Москва /
Государственный институт искусствознания, Москва)

Нелинейность, остановка, безвременье в кино Венгрии 1970–1990-х гг.

Обозревая венгерское кино со второй половины 1960-х гг., можно заметить, что проблема времени занимает в нем исключительное место — как с точки зрения отражения исторических событий, так и в контексте темпоральности экранного действия. В свете этого не кажется удивительным, что именно венгр Бела Тарр стал одним из основоположников радикального направления «медленное кино», испытывающего зрителя на прочность длиной кадров и максимально ослабленной фабулой. Начиная с ленты «Проклятие» (*Kárhozat*, 1988 г.) вплоть до последней картины «Туринская лошадь» (*A torinói ló*, 2011 г.) Тарр заставляет зрителя почти физически ощутить течение времени на экране. Но помимо «тарровской линии», представленной лентами Дьёрдя Фехера или Аттилы Яниша, существовали и другие подходы. Одним из первых деконструкцию времени в венгерском кино осуществил Иштван Сабо в «Любовном фильме» (*Szerelmesfilm*, 1970 г.), представляющем собой размышление о судьбах венгров в жерновах истории, но также кинематографический эксперимент в духе «новой волны», где во главу угла поставлена нелинейность нарратива. Тогда же, на рубеже 1960–1970-х гг., Миклош Янчо предложил собственное видение истории родной страны, при помощи бесконечно длинных планов-эпизодов демонстрируя цикличность времени и тотальную безвыходность положения венгров в любых обстоятельствах. 1980-е годы отмечены новыми поисками в области темпоральности: знаковыми для этого десятилетия стали картина Петера Готара с характерным названием «Время останавливается» (*Megáll az idő*, 1982 г.) и автобиографическая «дневниковая» трилогия Марты Месарош: «Дневник для моих родителей» (*Napló apámnak, anyámnak*, 1990 г.), «Дневник для моих детей» (*Napló gyermekeimnek*, 1984 г.) и «Дневник для

моей дочери» (*Napló szerelmeimnek*, 1984 г.). В докладе представлен ретроспективный взгляд на эти и иные фильмы с целью понять, почему проблема времени играет столь большую роль в творчестве венгерских кинематографистов. Сделана попытка ответить на вопросы, можно ли считать Тарра продолжателем поисков своих старших коллег, и насколько важны подобные эксперименты для современных режиссеров. ■

Гимадеев Тимур Владимирович

(Казанский государственный аграрный университет, Казань)

Начало Нового времени или «чистая готика»? Взгляды чешских историков на место гуситского движения в периодизации истории Чехии и Европы (1848–1938 гг.)

Являясь одним из наиболее ярких событий не только чешской истории, но и истории всей Центральной Европы, гуситское движение в Чехии XV в. на протяжении долгого времени трактовалось чешскими историками как некий водораздел, граница периодов не только национальной истории, но и истории всей Европы. Основоположник чешской научной историографии Ф. Палацкий, полагал, что начало гуситского движения отделяет «древний» век чешской истории от века «среднего». Этот «средний» век истории Чехии не совпадал с европейским Средневековьем — напротив, Ф. Палацкий полагал, что именно благодаря гуситскому движению были заложены основы для перехода всей Европы от Средневековья к Новому времени. С некоторыми корректировками, периодизацию Ф. Палацкого приняли такие историки, как В. Новотный, Р. Урбанек и К. Крофта. Стоявший у истоков консервативного течения в чешской историографии В. В. Томек придерживался несколько иного мнения — если в его «Истории города Праги» завершение гуситских войн действительно оценивается как событие, открывшее период максимальной городской автономии, то в учебнике «История Австрийской державы» гуситское движение — это лишь одно из многих событий периода 1278–1519 гг. Другой представитель консервативного течения чешской историографии, Я. Голл, полагал, что гуситское движение носило исключительно средневековый характер. Его ученик, Й. Пекарж, разработал собственную периодизацию истории, опирающуюся на смену художественных направлений. Гуситское движение рассматривалось Пекаржем в качестве центрального события готического периода, охватывавшего временной промежуток XIII–XVI вв. и воспринимавшегося

составной частью Средневековья наряду с эпохами ренессанса и барокко. Во многом схожую периодизацию, но с принципиально иных идейных и методологических позиций разработал историк левой ориентации Я. Славик, который видел в гуситском движении «умирающее» Средневековье. Таким образом, до Второй мировой войны в чешской историографии не сложилось консенсуса относительно места гуситского движения в периодизации национальной и европейской истории, а вопрос об этом оставался предметом весьма оживленных дискуссий, прекратившихся по независящим от историков причинам. ■

ОШИБКИ В ДАТИРОВАНИИ СОБЫТИЙ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ XVI ВЕКА)

Разночтения в датировке обычно рассматриваются в контексте уточнения дат и устранения противоречий. Однако в ряде случаев указанные в источниках альтернативные и даже прямо ошибочные варианты могут представлять интерес для исследователя, поскольку сообщают дополнительную информацию о пользовании календарями, особенностях фиксации памяти о событии, а также об отношении составителя текста к описываемому. В докладе внимание сосредоточено на логике, приведшей к появлению различных вариантов в датировке ряда событий. Примеры взяты из русских текстов XVI в. (преимущественно летописей, но также посольских и разрядных книг). Ситуация, когда составителями используются разные способы фиксации хронологической информации (указание календарной даты, переходящего или непереходящего праздника церковного календаря, дня недели и т. п.), позволяет рассуждать о возможных причинах разночтений. Примеры позволяют говорить о нескольких ситуациях. Составитель зафиксировал дату и соответствующий ей праздник по календарю редкой редакции, позже составитель нового текста скорректировал дату, используя календарь распространенной редакции. Составитель прочно ассоциирует праздник с памятью конкретного святого, но путает памятный день (например, Благовещение и Похвала Пресвятой Богородицы, Рождество и Усекновение главы Иоанна Предтечи). Событие изначально может быть датировано двояко (например, если состоялось ночью), и составители текстов пользуются разницей в счете суточного времени по гражданскому и церковному календарю, чтобы отнести событие к дате, символическое наполнение которой видится им более важным. Для события указывается неверная, но более насыщенная символикой дата, в соответствии с отношением составителя текста к происходящему. Эти и другие стратегии указывают на внимание к церковному календарю в быту, а также в практике составления документов. ■

Евстафьев Никита Владимирович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ: ОТРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И ЧАСОВ ОСМАНАМИ И ЕВРОПЕЙЦАМИ В СОЧИНЕНИЯХ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI в.

В XVI столетии Балканский полуостров, находившийся под властью Османской империи, посетило большое число западноевропейских путешественников: купцов, дипломатов и паломников. Многие из них оставили после себя различного рода сочинения: письма, путевые дневники, травелоги и т. д. Все эти источники представляют большой интерес для исследователей, поскольку дают возможность взглянуть на Османскую империю XVI в. и ее обитателей глазами западных европейцев этого же XVI в., отмеченного усилением межконфессионального противостояния, как внутреннего для Европы (Реформация), так и внешнего (экспансия Османской державы). Для посещавших Балканы европейцев турки представляли собой чужаков, которые практически во всем от них отличались — в том числе в понимании времени. В качестве основного примера такого различия в докладе рассматривается отрывок из «Писем» дипломата на службе Габсбургов Ожье Гизлена де Бусбека, который посещал Османскую империю в 1550-е гг. Он жаловался на то, что сопровождавшие посольство турки постоянно будили их раньше времени (иногда посреди ночи), потому что не могли определить точное время суток и порой даже воспринимали лунный свет за наступающий восход. Сами же участники посольства, прибывшие из Центральной Европы, располагали новшеством XVI в. — карманными, как предполагается, часами — и поэтому могли точно определить время суток. В какой-то момент они познакомили самих турок с механическими часами и тем самым изменили их восприятие времени: сопровождающие перестали будить Ожье де Бусбека и его спутников раньше срока. Кроме того,

в докладе отмечается, что богато украшенные часы были частым подарком западноевропейских дипломатов османским пашам и самому султану, что подробно описывается, например, в «Дневнике» лютеранского богослова и дипломата Священной Римской империи Стефана Герлаха, в 1570-е гг. побывавшего на Балканах. ■

Казак Олег Геннадьевич

(Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь)

Середа Артём Сергеевич

(Средняя школа № 3, Жабинки, Беларусь)

НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ У ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТЧИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Надгробия являются специфическим источником, отражающим восприятие людьми определенного исторического периода земной и вечной жизни, изменение и трансформацию материальной и духовной культуры. Нами были обследованы кладбища городского поселка Антополь, сельских населенных пунктов Подлесье и Детковичи (все — Дрогичинский район), г. Жабинки, г. Кобрина, Тришинское кладбище г. Бреста. Абсолютное большинство выявленных надписей выполнено на русском языке, примерно в половине случаев — в его дореформенном варианте (со второй половины 1930-х гг. заметно доминирует современный вариант русского языка). Грамотное использование русского языка дореформенного образца на памятниках высокого качества могло быть выражением общественной позиции (памятник С. Л. Король, вероятной родственницы депутата польского сейма, члена Русского национального объединения П. И. Короля, в г. Брест). На большинстве памятников в сельской местности и небольших городах надписи выполнены с ошибками, многие из которых можно объяснить влиянием местных диалектов (в особенности при написании имен собственных), а также отсутствием системного изучения русского языка в школах Брестчины в межвоенный период, когда регион входил в состав Польши. В эпитафиях в ряде случаев использовался церковнославянский язык, являвшийся маркером верности православным традициям. Надгробные надписи на белорусском языке не зафиксированы. Выявлены лишь две надписи на украинском языке на Тришинском кладбище г. Бреста. Принимая во внимание

распространенность данной фамилии в регионе, можно предположить, что памятники находятся на месте захоронения сторонников концепции украинской этнической природы местного населения. Еще один памятник с надписью на украинском языке расположен на кладбище г. Кобрина, но датируется более поздним периодом (1944 г.). Влияние польского языка фактически не фиксируется — обнаружен единственный памятник (городской поселок Антополь), на русскоязычной надписи которого ошибочно присутствует польская буква *z*. ■

**Старословенцы и младословенцы.
Конфликт идей и поколений
в словенской политике в 1860–1870-е гг.**

Доклад посвящен конфликту разных поколений словенских политиков и пропагандировавших ими старых и новых идей, вызванных к жизни политическими и социальными трансформациями словенского общества в начавшийся в 1860-е гг. конституционный период в жизни Австрийской монархии. Национальная жизнь словенцев оживилась, у них сформировались два политических течения, по чешскому образцу названные старословенцами и младословенцами. В патриархальной и этнически почти полностью словенской Крайне осторожные и консервативные старословенцы удерживали ведущие позиции, энергичные либеральные младословенцы добились успехов прежде всего в Штирии, значительно более развитой экономически и подверженной угрозе германизации. Трения между группировками нарастали, и в 1873 г. произошел раскол, приведший к поражениям словенцев на выборах и исчерпавший себя уже к 1876 г. Основное внимание уделено анализу разногласий между старословенцами и младословенцами по ряду вопросов: о выпуске политической газеты на словенском языке, об отмене Конкордата и др., а также ряда их причин, связанных с возрастом и социальным положением политиков, с конфликтом консервативных и либеральных идей. Старословенцы в основном принадлежали к поколению 1810–1820-х гг. рождения, сформировавшемуся в дореволюционный период. Они получили образование на немецком языке, а словенский многие из них стали изучать уже в зрелом возрасте и не владели им в совершенстве. Необходимости в политической газете на словенском языке они не видели и издавали ее на немецком. Старословенцы осознавали роль духовенства в развитии словенской идентичности и стремились ее сохранить. Многие из них происходили из зажиточных семей, имели высшее образова-

ние. Их социальное положение было прочным, достаток хорошим. Большинство младословенцев родились в 1830–1840-е гг., они хорошо знали словенский язык и верили в его возможности, поэтому настаивали на создании словенской политической газеты на родном языке. Будучи вовлечены в либерально-клерикальную борьбу, развернувшуюся в монархии в конце 1860 — начале 1870-х гг., они ратовали за отмену Конкордата и противились клерикальной пропаганде. Многие младословенцы происходили из менее обеспеченных слоев общества и были менее образованными. Несомненно, этот раскол нельзя охарактеризовать только как конфликт поколений и конфликт идей, существенную роль в нем играли борьба за преобладание в словенской политике, а также личностный фактор, зачастую определявший степень накала борьбы. ■

Кузнецов Василий Иванович

(независимый исследователь, Бар, Черногория)

ПАШТРОВСКАЯ БАНКАДА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Паштровичи — это племенной союз, в который входили 12 племен. Начиная с 1355 г. они обладали привилегиями, данными сербским царем Стефаном Душаном, а после утраты сербскими землями государственности, в 1423 г. заключили договор с республикой Святого Марка. В нем Паштровичи признали себя подданными республики, обязались воевать за свой счет в ее интересах от г. Котора до г. Бара. Взамен Венеция гарантировала безопасную торговлю во всех землях, подконтрольных республике. Кроме того, по инициативе венецианцев был создан специальный орган для управления Паштровичами, который получил название «Банкада». Избрание в Банкаду новых судей происходило один раз в год, на день Св. Вита (15/28 июня). Заседания суда проходили на песчаном берегу *Дробни песок* за каменным столом, в настоящее время хранящимся в монастыре Прасквица. Кроме судебных функций, Банкада ведала внешней политикой Паштровичей в вопросах отношений с соседями — племенными союзами Грбали, Черногории и др. В докладе на основании опубликованных и неопубликованных источников из семейных архивов рассматривается устройство Банкады как механизм преодоления трайбализма внутри союза Паштровичей, т. к. в основу ее функционирования был положен принцип ротации членов различных племен и родов в составе 12 судей. Банкаду как орган местного самоуправления признавали Венецианская республика, Российская империя, Австрийская империя и Королевство сербов, хорватов и словенцев до 1929 г. В 1999 г. Банкада была восстановлена в качестве общественной организации. Ее главными задачами являются исследование и сохранение культурного наследия паштровского племенного союза. ■

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ВОЗРАСТА
В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ
1970–1980-х гг.**

Политический режим, установившийся с середины XX в. на территории Западной Украины, формировал образ будущего, в котором советский гражданин получал возможность строить свободную жизнь без угнетения и принуждения. Индивидуальный путь к этому идеалу проходил через получение образования, лояльность к официальной идеологии и включенность в партийные структуры, которые обеспечивали доступ к социальным и профессиональным ресурсам. Данный нормативный проект служил рамкой для интерпретации настоящего и определял выбор стратегий на уровне семьи. Доклад опирается на категории «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», предложенные Р. Козеллеком для представления исторического времени. «Пространство опыта» он определял как «настоящее прошлое» — совокупность личных воспоминаний и значимых переживаний, а также знаний и традиций, переданных предыдущими поколениями и социальными институтами; а «горизонт ожиданий» обозначал как взгляд в будущее, полное надежд и предположений, направленных на то, чего еще нет, но что можно или нужно достичь. В этих координатах индивиды совершают внутренний экономический и политический выбор между опытом, «пропитанным реальностью», и ожиданием, пронизанным воображением. Источниковую базу исследования составляет переписка между двумя родственниками, проживавшими на территории Западной Украины в 1970–1980-е гг. Эти письма позволяют проследить, как через бытовые детали, рассуждения и жалобы их авторы осмысливали телесные изменения, связанные со старением, утрату трудоспособности, конфликты поколений и одиночество, а также более абстрактные темы — размышления о смерти и смысле жизни, историческом развитии человечества

и влиянии научно-технического прогресса на общество. Особый интерес в контексте идей Козеллека представляет то, что один из корреспондентов был глубоко религиозным человеком. В христианской традиции будущее не мыслится как принципиально новое, а скорее как повторение или возвращение к уже известному. Это задает специфическое соотношение «пространства опыта» и «горизонта ожиданий», отличающееся от светских представлений позднесоветской эпохи. Исследование предлагает «прочсть» историческое время последних десятилетий существования Советского Союза снизу — через повседневные биографические рассказы и размышления обычных людей, а не через идеологические или институциональные нарративы (хотя и они неизбежно проступают в текстах). Такой подход позволяет понять, каким образом люди осмыслили течение времени и собственную жизнь в нем — между памятью и ожиданием, привычным и меняющимся, частным и политическим. ■

ПРИВАТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ ВЕСЛАВА МЫСЛИВСКОГО «ТРАКТАТ О ЛУЩЕНИИ ФАСОЛИ»

В произведениях Веслава Мысливского (род. в 1932 г.) образ исторического времени конструируется через призму личного опыта отдельного человека, его индивидуального «горизонта», что предполагает субъективность восприятия переживаемого события, интенсифицированную обращением польского писателя к поэтике антиномии и релятивизма. Доклад посвящен особенностям авторского видения Истории, механизмы приватизации которой в повествовании анализируются на материале одного из поздних романов Мысливского. «Трактат о лущении фасоли» (2006 г.) — философский роман об индивидуальной человеческой судьбе, написанный в форме «устного монолога», полифоническое звучание которого достигается в момент смены «временного» повествователя. Рассказ главного героя включает в себя элементы частной биографии случайно встреченных им людей, которые на разных этапах повествования наделяются правом ведущего голоса. Фоном для изображения судьбы, осознанной в универсальных категориях, становятся исторические реалии Польши преимущественно второй половины XX ст. Коммуникативный элемент, который имплицитно присутствует в заглавии книги (деревенский обряд лущения фасоли, согласно авторской интерпретации, является «ритуалом коллективной речи»), прослеживается в системе персонажей и обращении Мысливского к опыту читателя, позволяющем избежать описания исторического события и его локализации в художественном времени. Смещение акцента с большой Истории на ее последствия, отразившиеся в жизни конкретного человека и определившие его судьбу, происходит также в результате отказа от линейной направленности в темпоральной системе и структуре повествования. Художественное время в рома-

не Мысливского циклично, что обусловлено ритмом сменяющихся поколений, которые сходятся в процессе лущения фасоли, и механизмами работы памяти. ■

Лобачева Юлия Владимировна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДЕТСТВО В «ИНТРОСПЕКТИВНОЙ АВТОБИОГРАФИИ»

И. Г. Грицкат-Радулович

Различные подходы к рассмотрению мира детства существуют уже давно. Есть богатейшая традиция художественной литературы, уделяющая огромное внимание детскому быту и детской психологии. Исследованием разных аспектов детства занимается наука, в частности, психология, этнология, филология и др. Отдельным направлением стала история детей и детства. В докладе рассмотрены размышления и воспоминания о детстве И. Г. Грицкат-Радулович (1922–2009) в ее книге «На зарубежной родине» в историко-филологическом и психологическом ключе. Отмечены, в частности, особенности повествования и построения конкретного автобиографического текста (проявления жанровой специфики, влияние отдельных автобиографий, роль названий и эпиграфов и др.), механизмы и способы создания автором собственного образа, в том числе «ретроспективного конструирования собственной личности» (психологизм, интроспективно-рефлексивный подход в описании и анализе индивидуальной душевной жизни). В фокусе нашего внимания находится построение автором своей истории, версии собственной жизни — с акцентом на периоде детства. Создание собственного образа и индивидуальной истории реализуется в данной автобиографии через обращение к истории семьи (именно семья выступает как своеобразная точка отчета: начало, мерило в будущем). Важными, судьбоносными в семейной истории, своего рода «нулевой точкой», выступают события Первой мировой и Гражданской войн и эмиграция родителей автора в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Детство предстает в тексте в трех качествах: во-первых, как особый период в жизни человека; во-вторых, как собственное, уникальное детство автора и процесс взросления; наконец, в-третьих, как прошлое, как «давнишние времена». Становление, взросление, процесс формирования лич-

ности, характера, интересов, картины мира описаны автором последовательно, поэтапно, что отражено и в названиях некоторых глав; анализируется роль в этих процессах родителей (показаны разные стороны их влияния); отмечено проявление заложенного тогда в дальнейшей жизни. Воспоминания, и воспоминания о детстве в частности, помимо прочего, являются для автора средством борьбы за «полюбившееся: людей, идеалы, города», попыткой преодолеть травму расставания с любимыми родителями, а также семейную травму исхода, безвозвратно потерянной родины; преодолеть «трагедию мимолетности», «сломить самое неуломимое из всех измерений, хуже дали, хуже выси — время». Воспоминания И. Г. Грицкат-Радулович представляют интерес для изучения жизни детей и детства в Югославии в 1920–1930-х гг. ■

ЦЕПЬ ВРЕМЕНИ В ЦЕПИ РОМАНОВ Н. НАРОКОВА

Принято считать, что вторая волна русской эмиграции осталась в тени первой и третьей, так же как созданная в ней проза оказалась в тени поэзии. И тем не менее именно ко второй волне принадлежит выдающийся прозаик Николай Владимирович Марченко (1887–1969), вошедший в историю литературы и оставшийся в ней под псевдонимом «Нароков». О его жизни, сведения о которой помещаются в один абзац, известно, среди прочего, что он учился в политехническом институте, приобретя знания, которые нашли отражение в литературной работе. Нароков представляет довольно редкий пример писателя, получившего академическое образование в области точных наук. Математик по образованию, автор трех романов, которые все были опубликованы в эмиграции, причем на трех разных континентах («Мнимые величины» в 1952 г. в Нью-Йорке, «Никуда» в 1961 г. в Париже, «Могу!» в 1965 г. в Буэнос-Айресе). Опираясь на числа, Нароков организует структуру повествования и даже образную систему в своих произведениях. В этом ключе рассматривается тема времени в структуре его романов, особо в их начальных частях, анализируются с точки зрения их так называемой внутренней геометрии или хронометрии авторские стратегии по созданию хронотопа и репрезентации философских аспектов существования в его художественном творчестве. Анализируется, как представления писателя-негуманитария (по) влияли на художественную репрезентацию времени и пространства и как логика сочетается с иррациональными аспектами человеческого бытия, которые неизбежно затрагивают литературу и/или которые неизбежно затрагивает литература. ■

ДРЕВНИЕ МИФЫ, МУДРЕЦЫ И ПРОРОЧЕСТВА В АНОНИМНОЙ ЛАТИНСКОЙ ХРОНИКЕ ИЗ СОБРАНИЯ АДМОНТСКОГО МОНАСТЫРЯ*

Латинская «Хроника или История двух градов» епископа Оттона Фрайзингского / Фрейзингенского (ок. 1112–1158) издавна привлекает внимание читателей, интересующихся темпоральными аспектами средневекового историописания. Соответствующая проблематика освещена во множестве специальных трудов, регулярно затрагивается в общих работах по истории исторического знания. Несколько меньше известно о том, как этот текст (впервые оформившийся к 1146 г. и переработанный в 1157 г.) воспринимался в десятилетия, следовавшие за его созданием, какими конкретными историографическими практиками был опосредован масштабный замысел Оттона по адаптации августинианской модели к интеллектуальным запросам современности. На материале малоизученной анонимной хроники, которая составлялась во второй половине 1180-х гг. и сохранилась в манускрипте из библиотеки Адмонтского бенедиктинского монастыря (Австрия), докладчик анализирует характер использования «Истории двух градов», выявляет особенности репрезентации сюжетов, соотносимых с подходом Оттона к систематизации сведений о прошлом, настоящем и будущем мира. Акцентируются отличия в осмыслении мифологической и профетической информации, которая хоть и включалась в анонимную «Хронику» по образцу (или под несомненным влиянием) «Истории» Оттона Фрайзингского, однако в целом ряде случаев становилась более развернутой, а порой и вовсе обретала качественно иное звучание. Отдельно рассматриваются вопросы организации текста в манускрипте Admont, Benediktinerstift, Cod.

* Доклад подготовлен в рамках НИР по грантовому проекту РНФ № 25-28-00997.

15 конца XII в. Специфика этого рукописного кодекса, по мнению докладчика, позволяет подробнее изучить процесс рецепции знаменитого «историософского манифеста», некогда сочиненного фрайзингским епископом, на этапе серьезного кризиса в церковно-политической сфере (1187-й — год грандиозного поражения латинян в Святой Земле) и намечавшейся трансформации христианского историописания. ■

Нуйкина Елена Юрьевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«ЕЩЕ ХОЧУ ЖИТЬ, ДОЖИТЬ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ И ПОВИДАТЬ ВСЕХ ВАС...»: ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ПИСЬМАХ ИЗ ЛАГЕРЯ СЯЩЕННОИСПОВЕДНИКА РОМАНА (МЕДВЕДЯ)

За последние десятилетия в научный оборот было введено большое количество документов по истории Русской православной церкви в советский период. Особый интерес представляют документы личного происхождения, в частности, письма осужденных и отбывавших наказания в ссылках и лагерях священнослужителей. Одним из таких священников, в семье которого бережно хранились отправленные им из лагеря письма, является священноисповедник Роман (Медведь). Письма были опубликованы, в 2024 г. о священноисповеднике был снят фильм. Не имея возможности частой переписки и тем более свиданий с родными и близкими, о. Роман стремился в каждом письме передать не только свежие новости, краткие сведения о своем здоровье, местонахождении и быте, но и поделиться собственными переживаниями о прошедших событиях жизни. В его письмах стираются временные и пространственные грани, они подчинены стремлению остаться на крепком камне веры в суровых условиях лагерной жизни, а также надежде на будущую встречу с родными. Осмысливая сложившуюся действительность, священноисповедник ищет причины в прошлом, не переставая думать о будущем. Излагая свои краткие мысли в письмах-рассуждениях, он старается поддержать родных, которые, как и он, тяжело переживают разлуку и также находятся в сложных жизненных обстоятельствах. Размышления о будущем вкрапляются в повествование о частых перемещениях с одного места на другое, о проблемах со здоровьем, об окружающих условиях. В этом временном смещении прослеживается глубокий внутренний самоанализ священноисповедника, его внутренние установки, оценка себя и сложившихся обстоятельств. Не раз в письмах встречаются наставления о необ-

ходимости приучать себя к строгости в жизни, что впоследствии может помочь преодолеть возможные жизненные трудности. Границы пространства также стираются на страницах писем. С одной стороны, в них отражено острое ощущение одиночества и понимание оторванности от близких, а с другой о. Роман неоднократно подчеркивает, что несмотря на разделяющее пространство, он ясно и близко чувствует всех дорогих ему людей, и это помогает преодолевать тяжелые мысли о длинной по времени разлуке. ■

Перетяцько Артём Юрьевич

(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ОТ ВЕРЫ В ПРОГРЕСС К ВЕРЕ В УШЕДШИЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДОНСКОГО ВОЙСКА В ТЕКСТАХ ДОНСКИХ АВТОРОВ до 1917 г.

Эволюция дошедших до нас нарративов донских авторов до-революционного периода демонстрирует любопытную закономерность. Для крайне немногочисленных текстов первой половины XIX в. более характерна вера в прогресс, хотя и связанный с различными причинами (от классических просвещенческих идей у А. Г. Попова до поиска мистических причин развития человеческого общества у В. М. Пугачова). Встречались и авторы, у которых сложно найти некие формы однозначного предпочтения прошлого или будущего настоящему (например, В. Д. Сухоруков в принципе был склонен к объективному описанию фактов). Однако со второй половины XIX в., судя по всему, универсальной нормой для донского общества становится представление о существовании в прошлом некой казачьей утопии, периода образцового гармоничного функционирования казачества как социального института, впоследствии чем-то разрушенного. При этом, в зависимости от уровня образования и политических пристрастий авторов, этот своеобразный золотой век мог приходиться на различные хронологические периоды: допетровский вольный Дон (Е. П. Савельев, С. Г. Сватиков), платовскую эпоху (наиболее распространенный вариант) или даже период до правления Александра III (П. Н. Краснов). Соответственно, различно трактовались и причины конца этого золотого века: ими оказывались подчинение Дона России, усиление имперской унификации при Николае I и Александре I или проникновение в казачью среду европейских веяний. Возможен был и хронологически неопределенный вариант, когда идеализировалась донская старина вообще, без однозначной привязки к четко очерченному историческому периоду. Однако неизбежным следствием этих изменений

стала универсализация в среде донской элиты не позднее 1860-х гг. топоса аргументации через апелляцию к идеальному прошлому как высшему доказательству в споре. В результате даже либеральная часть донской элиты увязывала свои политические воззрения не с прогрессом и европеизацией, но с возвратом к историческому народоправству. ■

НАСТОЯЩЕЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ (*PRAESENS SCAENICUM*)

В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА*

Настоящее сценическое (*praesens scaenicum*) — одна из функциональных разновидностей настоящего времени; соответствующие формы используются в ремарках драматических произведений для обозначения прежде всего действий, совершающихся их героями: *Телегин играет* польку; *все молча слушают*; *входит работник* (А. П. Чехов, «Дядя Ваня»). Важнейшее межславянское отличие — возможность / невозможность употребления в настоящем историческом глаголов совершенного вида. Если в восточнославянских языках, болгарском, македонском и польском формы совершенного вида исключены, то в западнославянских, а также в словенском, сербском и хорватском формы несовершенного и совершенного вида могут сменять друг друга в зависимости от того, как автор интерпретирует обозначаемое ими действие. Ср. сербские примеры из «Госпожи министерши» Б. Нушича: *узме хаљину са столице и шешир па одлази* (букв. ‘возьмет’, ‘уходит’) — *берет со стола платје и иљапу и уходи*; *удари у сладак смех, затим оде прозору и довикује, машући руком* (букв. ‘ударит’, ‘уйдет’, ‘кричит’, ‘маша’) — *заливається веселым смехом, затим иде к окну, машет руком и зовет* (пер. Е. Берковой). Различия в функционировании форм настоящего сценического даже в близкородственных славянских языках связаны с асимметрией их видовых систем в целом. Для языков, допускающих формы совершенного вида в настоящем сценическом, в принципе характерна их широкая употребительность и в других значениях — например, повторяющегося действия или в настоящем историческом. Возможность употребить формы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

обоих видов в этих языках ведет к тому, что выбор вида становится зависимым от прагматических факторов, т. е. авторской интенции — что невозможно в русском языке, где происходит нейтрализация видового противопоставления. Ср. примеры из разных сцен той же пьесы Б. Нушича: *усхићена, загрли га, срећна* ('обнимет'), но *грли га* ('обнимает'), в русском переводе — *в восторге, счастливая, обнимает его* и *обнимает его*. Интересный материал для сопоставления функционирования форм настоящего сценического дают переводы пьес с русского на языки, допускающие в настоящем сценическом обе видовые формы. По ним можно реконструировать стратегии переводчиков, «приспосабливающих» русский текст к законам собственного языка. При этом на них оказывала влияние и переводческая традиция — так, например, в избранных нами для анализа сербских переводах «Дяди Ваня» А. П. Чехова (К. Тарановского и З. Велимирович, оба продолжают переиздаваться) формы совершенного вида в ремарках единичны, в то время как в сербских пьесах разных времен их количество гораздо выше. Указанные факты говорят о том, что в ситуации выбора сербские переводчики избирали стратегию приближения текста к русскому оригиналу, т. е. форенизации. ■

СОЦИАЛЬНЫЕ, БЫТОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ НОЧНОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ В РОССИИ XVII в. В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ НАХОДОК

Семнадцатый век в истории России стал временем причудливого взаимодействия самых различных традиций. В полной мере это выразилось в семантике и прагматике ночи и ночного времяпрепровождения в русской культуре того периода. Христианская аскетическая культура, восходящая к библейской и святоотеческой традиции и отнюдь не ограниченная церковными кругами, диктовала амбивалентное восприятие ночи как времени, с одной стороны, опасностей для души и тела, а с другой — бдения в молитве и тайных богоугодных дел. Народная традиция, восходящая к языческим ритуальным практикам, напротив, предполагала ночные игрища при отмечании важнейших праздников. С растущей иноземной колонией в Москву проникала зарождающаяся европейская традиция вечерних и ночных развлечений, достигшая своего апогея в распорядке дня аристократии XVIII–XIX вв. Нельзя не упомянуть и о трудовом этосе различных профессиональных групп, предполагавшем то или иное нормирование рабочего времени в рамках суточного цикла. Из них нам лучше всего известно о распорядке дня приказных бюрократов. Время первых Романовых ознаменовано активизацией антигедонистических тенденций христианской культуры, что, по-видимому, стало результатом осмысления Смуты как проявления Божьего гнева. Официальная политика, вдохновляемая этими идеалами, нашла выражение, среди прочего, в известном «указе против скоморохов» (1637 г.), в списке запретов которого значатся и ночные пляски и пение. Хотя в явном виде запрета ночного шума, насколько известно, сформулировано не было, ряд обнаруженных свидетельств об административной практике и картинах повседневной ночной жизни свидетельствует о соблюдении ночной тишины как прескриптивной норме на всей террито-

рии Московского государства. В то же время ночные развлечения оставались широко распространенными и воспринимались как норма жизни, далеко не в каждом случае заслуживавшая преследования. Таким образом, эмпирическая норма расходилась с прескриптивной, что заставляет думать, что по крайней мере какая-то часть вовлеченных в «ночную жизнь» православных подданных Московского царства придерживалась аксиологии, диаметрально противоположной утверждаемой государством системе ценностей официального благочестия. ■

Рамазанова Джамиля Нуровна

(Институт славяноведения РАН, Москва /
Российская государственная библиотека, Москва)

КАЛЕНДАРЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА И СЛАВЯНСКОГО МИРА КОНЦА XVI—XVII вв. КАК МАРКЕР ВОСПРИЯТИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ

В центре внимания доклада — календарно-хронологические воззрения видных греческих православных иерархов Христианского Востока конца XVI — первой половины XVII в., прежде всего александрийского патриарха Мелетия Пигаса (1590–1601 гг.) и александрийского (1601–1620 гг.), затем константинопольского (1620–1638 гг.) патриарха Кирилла Лукариса. Основой для изучения их хронологических взглядов являются различные источники, в первую очередь, грамоты, выпущенные от их имени и связанные с их деятельностью. Нами рассмотрены и проанализированы датировки документов, подписанных этими иерархами, и на этой основе выявлено общее и особенное в их хронологических представлениях. Так, исследование документов показывает, что существенной особенностью хронологических представлений Мелетия Пигаса является отсутствие регулярной системы в использовании им датировок по определенной эре в посланиях к одному и тому же адресату. Он мог одновременно использовать в датировках несколько эр, а также прибегать к датированию своих посланий по аттическому календарю. Напротив, Кирилл Лукарис более точен и последователен в своих хронологических указаниях: практически все его грамоты точно датированы и имеют указания на эру, календарь и индикт, при этом им, за единичными исключениями, используется эра от Рождества Христова. На основе этих наблюдений сделан вывод о том, что календарные указания в датировках документов могут быть истолкованы как своеобразные маркеры восприятия времени деятелями прошлого, а одновременное использование ими нескольких эр — демонстрацией учености в об-

ласти хронологии. При этом использование иерархом датировок по аттическому календарю было несомненным показателем его интеллектуальной связи с эпохой Возрождения. Также в докладе рассмотрены аналогичные по содержанию примеры представлений о разнообразном счете времени на материале источников разных видов, возникавших у православных славян от конца XVI до исхода XVII в. ■

**ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И АСПЕКТЫ
НАРРАТИВНОСТИ В РАБОТАХ ПО ИТАЛЬЯНИСТИКЕ
П. Бицилли и В. Забугина 1913–1917 гг.**

Представители дореволюционной школы итальянистики П. М. Бицилли и В. Н. Забугин имели много общего в плане исследовательских интересов, общего мировоззрения и эрудиции, но также демонстрировали в своих трудах и существенные дискурсивные различия. Общим оставалось стремление к изучению опыта Средневековья и Ренессанса. Любовь к романской Европе с ее богатым духовным и эстетическим наследием и была объединяющим началом, а самое сердце этого мира европейской культуры русские интеллектуалы видели в Италии. Мы выделили две их работы, увидевшие свет в самом начале того переломного периода, который позже станет определяться как Новое средневековье. Речь идет о публикации П. М. Бицилли «Общественные движения в изображении средневековых историков», анализирующей конфликты в городском пространстве между средневековой элитой и народом, а также об особой краткой русскоязычной версии многотомного труда В. Н. Забугина на итальянском языке «Юлий Помпоний Лэт», которую историк подготовил накануне Первой мировой войны. ■

Силкин Александр Александрович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«ПРАДЕДУ ОТ ПРАВНУКА»: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ 1-ГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ (1811 г.) И МАНИФЕСТА КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА КАРАГЕОРГИЕВИЧА (6 января 1929 г.)

Так называемая диктатура Александра Карагеоргиевича (1929–1934 гг.) вошла в историю как попытка достижения авторитарными средствами внутренней устойчивости Югославии. Установление личного режима — роспуск парламента и упразднение конституции — знаменовал манифест, опубликованный от имени монарха 6 января 1929 г. При его чтении бросается в глаза идеологическое сходство с документами и выступлениями Карагеоргия — руководителя Первого сербского восстания (1804–1813 гг.). Король Александр и его прадед претендуют на монополию в деле защиты народных интересов и одновременно обозначают паритет собственных суверенных прав вождя/монарха с народным суверенитетом. В 1811 г. Карагеоргий обращается к членам скупщины: «Благополучие народа, междоусобная любовь и согласие, необходимость освободить вас от сомнений ваших, все сие принудило меня призвать вас в собрание, в коем я как Верховный Народ Вождь и истинный о благе попечитель предлагаю и приглашаю вас к любви, согласию и послушанию». В 1929 г. король так оправдывает в глазах подданных узурпацию власти: «Высшие народные и государственные интересы <...> налагают от Меня обязательство, чтобы я как Правитель и Сын этой земли обратился непосредственно к Народу и сказал ему открыто и искренно, что Мне диктует моя совесть и Моя любовь к Отечеству <...> настал час, когда следует устранить посредников между Народом и Королем». Последними провозглашались парламентские политики, по вине которых «согласие и даже обычные отношения между партиями <...> стали совершенно невозможными. Вместо того чтобы развивать и укреплять душу

народного и государственного единства, парламентаризм начал приводить к духовному разброду и разобщенности народа». Столетием ранее аналогичные обвинения в адрес своих противников озвучивал Карагеоргий: «Я вижу, что старейшины один на другого клеветают и возбуждают к неприязни и несогласию, которое далеко простирается, отчего и происходит величайшее зло». Обращение короля Александра к риторическим приемам начала XIX в. обусловлено устойчивыми патриархальными представлениями сербских народных масс о природе взаимоотношений с властью. ■

Станков Николай Николаевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МОСТОВЕНКО — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

После Октябрьской революции 1917 г. большевики, исходя из своих идеологических установок, предприняли коренную перестройку дипломатической службы. На работу в Народный комиссариат иностранных дел и его заграничные представительства были призваны вчерашние революционеры, как правило, не обладавшие специальными знаниями и соответствующим опытом, но владевшие иностранными языками и имевшие высшее (законченное или незаконченное) образование. На должности полномочных представителей советского государства за рубежом назначались преимущественно лица в возрасте 30–40 лет, чье мировоззрение сформировалось в условиях борьбы с самодержавием и жизненный опыт ограничивался партийной подпольной работой. В этой связи представляется важным изучение процесса адаптации бывших профессиональных революционеров к новым обязанностям, степени влияния их прошлого опыта на восприятие реалий страны пребывания, на их деятельность на дипломатическом поприще. В докладе на основе архивных документов рассматривается деятельность на посту полпреда в Чехословакии П. Н. Мостовенко, в прошлом профессионального революционера, а затем советского партийного работника. Сразу же после прибытия в Прагу в июне 1921 г. он развернул активную деятельность по подготовке советско-чехословацкого торгового договора, предложив внести в первоначальный проект ряд принципиальных дополнений, вступил в переговоры и переписку с представителями деловых кругов, стремясь заинтересовать их сотрудничеством с РСФСР, наладил информационную работу в ЧСР. Большое внимание П. Н. Мостовенко уделял работе с российской эмиграцией, вопросам репатриации кубанских казаков, созданию «Общества студентов — граждан РСФСР» и т. д. Пе-

реписка П. Н. Мостовенко с руководством РКП(б), Коминтерна, НКВД и ВЧК, его обращения к властям и общественности ЧСР свидетельствуют, что он настойчиво выступал за устранение всех препятствий на пути развития советско-чехословацких отношений. Вместе с тем отсутствие опыта дипломатической работы, недостаточная гибкость в решении ряда проблем не могли не отразиться на результатах деятельности П. Н. Мостовенко в ЧСР и в конечном счете привели к его отзыву из Праги. ■

Гимнастические хроники: ВЗРОСЛЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ в поздней Российской империи

В докладе рассмотрены основные сценарии восприятия предреволюционной городской повседневности учащимися женских гимназий. На основе личных документов будет показано, как проходило взросление и социальная интеграция девушек в последние годы Имперской России. Учитывая специфику времени, а также возрастные и гендерные особенности, можно говорить об ускоренном временном восприятии и перенасыщении от происходящих вокруг событий. Дневники становятся хроникой политических и военных событий, вытесняя учебную и личную жизнь учащихся на второй план. Вместе с этим происходит активная рефлексивная фаза, когда девушки начинают переосмысливать свое нахождение в учебном заведении, очерчивая строгие рамки «детства» и «зрелости». Война и политический кризис становятся факторами, которые диктуют индивидуальные временные ритмы. ■

Трифорова Светлана Александровна

(Архив Российской академии наук, Москва)

ЖИЗНЕННЫЙ ВЕК МОСКОВСКОГО АРИСТОКРАТА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. по материалам «Дневника князя Д. М. Волконского»

Век человека отдаленного прошлого, в частности, первой трети XIX в., сложно реконструировать, в особенности по причине отсутствия достаточного количества документов личного происхождения. Большинство сохранившихся документов являются мемуарами, отражающими мировоззрение их автора в небольшой временной период их создания. Однако судить о динамике жизни, об изменении мировосприятия автора можно основываясь только на дневниковых записях, создававшихся в течение всей жизни. Таких бесценных источников первой трети XIX в. сохранилось небольшое количество. Одним из них является «Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского», который он вёл на протяжении более тридцати лет, делая записи практически ежедневно. Этот исторический источник на сегодняшний день находится в трех архивохранилищах — Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Архиве Российской академии наук и Российском государственном архиве литературы и искусства. На основе этих поденных записей возможно с большой точностью реконструировать жизненный век представителя московской аристократии с момента начала службы и до последнего года жизни. Поденные записи наглядно демонстрируют, как меняется отношение диариста к самой службе, к образу жизни, как меняются жизненные приоритеты с появлением семьи, детей, выходом в отставку. Можно судить также о том, как вместе со взрослением устанавливается определенный годовой цикл жизни и соблюдается практически до момента кончины. ■

Шалаева Татьяна Владимировна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДЕРИВАТЫ КОРНЕЙ *ČAS-, *VER(M)- И *GOD-: ГЕОГРАФИЯ И СЕМАНТИКА

Производные указанных в заглавии корней имеют основное значение ‘время’, из которого может развиваться, во-первых, семантика ‘отрезок времени (год, час)’ и, во-вторых, ‘погода’, далее — ‘хорошая погода’, ‘плохая погода’, ‘погодное явление (дождь, снег)’. Цель доклада — наглядно показать на картах «Общеславянского лингвистического атласа», как эти значения распределяются по славянским диалектам и прокомментировать их дистрибуцию с точки зрения происхождения и семантического развития конкретных лексем. Так, слово *časъ имеет значение ‘время, длительность’ на всем пространстве Славии; значение ‘60 минут’ — в южно- и восточнославянских языках; значение ‘погода’ — в западнославянских и украинском языке. Продолжения праславянской формы *vermę известны южно- и восточнославянским диалектам и называют время и погоду. Семантика ‘хорошая погода’ отмечается у них в словенском и украинском языках, ‘плохая погода’ — в сербском и хорватском. Лексема *godina обладает более обширным спектром значений: ‘время, пора’ — во всей славянской группе; ‘год’ — в южно- и восточнославянских языках; ‘час’ — в западно- и восточнославянских; ‘часы’ — в словацких диалектах; ‘погода’, ‘хорошая погода’ и ‘плохая погода’ — в восточнославянских языках; ‘дождь’ — в южнославянских и украинском языке. Данная локализация объясняется этимологией указанных образований: семантика ‘время’ локализуется повсеместно, поскольку является для них исходной, наиболее древней. Остальные значения имеют ограничения в своем распространении, так как оказываются вторичными, более поздними и зачастую появляются уже в отдельных славянских языках. ■

Якименко Оксана Аркадьевна

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург / Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешта)

БЕСКОНЕЧНОЕ ПРОШЛОЕ/ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ КАК «ПЕРЕОДЕТОЕ» ПРОШЛОЕ: ВРЕМЯ В ПОЭЗИИ ЖУЖИ РАКОВСКИ

В обширном поэтическом и прозаическом наследии Жужи (Жужанны) Раковски (род. в 1950 г.) время как субстанция, топос, художественный инструмент играет важнейшую роль. Многообразие метафор, связанных со временем отличает как поэтические (сборник «Фортепан», 2015 г., стихотворения «Песня о времени», «Диалог о времени»), так и прозаические (сборники рассказов — в том числе «Луна в седьмом доме», 2009 г., роман «Знаки времени», 2022 г., и др.) произведения автора. Течение времени, рефлексия относительно прошлого, попытки заглянуть в будущее — постоянные темы творчества писательницы. Время у Раковски неотъемлемо связано со способами его фиксации для сохранения прошлого в настоящем и будущем (человеческая память и ее свойства, мемуары, фотография, кино), а также с инструментами, позволяющими прогнозировать или предсказывать грядущие события (гадания, астрология). В докладе, на материале текстов и интервью, рассматриваются ключевые образы, связанные со временем, вокабуляр и стилистические средства, используемые для разговора о времени. В рамках исследования текстов Раковски, мы также обращаемся к ее деятельности как переводчика, что, наряду с анализом ее собственных текстов и контекстов, позволяет прояснить генезис метафорики времени в ее произведениях. ■

СОДЕРЖАНИЕ

Адельгейм Ирина Евгеньевна

«Хлопоты со временем»: проза Ольги Токарчук 3

Аржакова Лариса Михайловна

Страсти по 1863 году 5

Бут Юлия Евгеньевна

«Благородные» патриоты vs «грязные» мадьяры:
1848 «поворотный» год в концепции австрийского патриотизма 6

Вашенко Дарья Юрьевна

Словацкие темпоральные прилагательные в ареально-
типологическом ракурсе (по данным параллельного корпуса) 8

Вирен Денис Георгиевич

Нелинейность, остановка, безвременье в кино Венгрии
1970–1990-х гг. 9

Гимадеев Тимур Владимирович

Начало Нового времени или «чистая готика»?
Взгляды чешских историков на место гуситского движения
в периодизации истории Чехии и Европы (1848–1938 гг.) 11

Горюшкина Людмила Павловна

Ошибки в датировании событий как источник информации
(на примере XVI века) 13

Евстафьев Никита Владимирович

Время турецкое и европейское: отражение различий
восприятия времени и часов османами и европейцами
в сочинениях западных путешественников XVI в. 14

Казак Олег Геннадьевич,

Серёда Артём Сергеевич

Надгробные надписи как источник по изучению
этнокультурных процессов у православного населения
Брестчины в межвоенный период 16

Кирилина Любовь Алексеевна

Старословенцы и младословенцы. Конфликт идей и поколений
в словенской политике в 1860–1870-е гг. 18

Кузнецов Василий Иванович

Паштровская Банкада: прошлое, настоящее, будущее 20

Лагно Анна Романовна

Индивидуальное переживание возраста в советской повседневности:
по материалам частной переписки 1970–1980-х гг. 21

Либина Ирина Александровна

Приватизация истории в романе Веслава Мысливского
«Трактат о лущении фасоли» 23

Лобачева Юлия Владимировна

Детство в «интроспективной автобиографии»
И. Г. Грицкат-Радулович 25

Малич Деяна

Цепь времени в цепи романов Н. Нарокова 27

Маслов Артём Николаевич

Древние мифы, мудрецы и пророчества
в анонимной латинской хронике из собрания
Адмонтского монастыря 28

Нуйкина Елена Юрьевна

«Еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас...»:
время и пространство в письмах из лагеря священноисповедника
Романа (Медведя) 30

Перетяцько Артём Юрьевич

От веры в прогресс к вере в ушедший золотой век:
эволюция представлений о историческом развитии
Донского войска в текстах донских авторов до 1917 г. 32

Поляков Дмитрий Кириллович

Настоящее сценическое (*praesens scaenicum*)
в русском и сербском языках:
проблемы интерпретации и перевода 34

Прудовский Пётр Игоревич

Социальные, бытовые и культурные коннотации
ночного времяпрепровождения в России XVII в.
в свете новых архивных находок 36

Рамазанова Джамиля Нуровна

Календарь интеллектуалов Христианского Востока
и славянского мира конца XVI–XVII вв. как маркер восприятия
переходной эпохи 38

Селунская Надежда Андреевна

Темпоральные характеристики и аспекты нарративности
в работах по итальянистике П. Бицилли и В. Забугина 1913–1917 гг. ... 40

Силкин Александр Александрович

«Прадеду от правнука»: идеологическая преемственность
документов эпохи 1-го сербского восстания (1811 г.)
и манифеста короля Александра Карагеоргиевича (6 января 1929 г.) ... 41

Станков Николай Николаевич

Павел Николаевич Мостовенко —
профессиональный революционер на дипломатической службе 43

Сираева Арина Ильдаровна

Гимнастические хроники: взросление и восприятие времени
в поздней Российской империи 45

Трифопова Светлана Александровна

Жизненный век московского аристократа первой трети XIX в.
по материалам «Дневника князя Д. М. Волконского» 46

Шалаева Татьяна Владимировна

Дериваты корней *cas-, *ver(m)- и *god-: география и семантика 47

Якименко Оксана Аркадьевна

Бесконечное прошлое/прошедшее и настоящее
как «переодетое» прошлое: время в поэзии Жужи Раковски 48

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ:
ХРОНОЛОГИЯ, БИОГРАФИЯ, ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**

Тезисы докладов IX конференции
Междисциплинарного центральноевропейского семинара,
5–6 ноября 2025 г.

Редакторы-составители:
О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119334, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 23.10.2025. Формат 60×84 ¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 3,02.
Объем 3,25 печ. л.

Заказ № 65.

Тираж 300 экз.